

УДК 947.088(571.6)

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ 1990-х ГОДОВ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КРИЗИСНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Ю.Н. Ковалевская

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
ул. Пушкинская 89, г. Владивосток, 690001,
e-mail: tupa67@mail.ru

Материалы статьи основаны на результатах полевых исследований (совместно с А.П. Коняхиной). Исследовано человеческое измерение кризиса повседневности 1990-х гг.: основные направления и глубина деградации и демодернизации социального пространства, усилия частных лиц и местных сообществ по их преодолению. Привлекаются сравнительные данные со странами Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, 1990-е гг., рыночные реформы, кризис повседневности, практики выживания, структуры жизнеобеспечения.

Целью статьи является попытка ответить на вопросы: почему рыночные реформы в России (особенно на Дальнем Востоке) породили такой тотальный кризис, распад всех основных структур жизнедеятельности и маргинализацию населения, сделав «лишними» многие миллионы людей? Каковы конкретные материальные и духовные проявления кризиса повседневности на Дальнем Востоке и практики выживания и адаптации населения в этих условиях? Являются ли эти процессы характерными только для России или имеют аналогии в мировой истории?

Эмпирическим материалом для статьи послужили полужформализованные интервью, собранные во время экспедиций в 2012–2014 гг. (Амурская и Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края) сотрудниками Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН (г. Владивосток) в рамках работы над проектом «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь». Сбор интервью осуществлялся методом «снежного кома» среди представителей власти, бизнеса, обычных людей указанных регионов. В основе интервью лежало три блока вопросов: биографический (цель – показать особенности адаптации человека при переходе от социализма к рынку), региональный (задача – оценить потенциал модернизации и программ развития региона с точки зрения информанта), сравнительно-исторический (задача – зафиксировать оценки респондентами некоторых параметров позднего советского периода, перестройки и рыночных

реформ). Интервью изначально предназначались не для количественного анализа (для этих целей проводилось анкетирование), а рассматривались как исследование качественным методом «устной истории», который позволяет получить «плотное описание» изучаемой эпохи, зафиксировать конкретные практики выживания в условиях резких социальных трансформаций, а также попытки их осмысления и описания самими действующими лицами.

Новизна статьи, на наш взгляд, заключается в том, что эмпирические данные микросоциального уровня, полученные в отдаленных и малодоступных регионах и помещенные в широкий общероссийский и мировой контекст, позволяют выявить значимые макросоциальные тенденции. Материалы интервью, используемые в статье, а также перевод цитат из книги С. Кларка «Сводить концы с концами в современной России» [10] впервые вводятся в научный оборот.

Специфический характер повседневности в позднем СССР и проблема кризиса повседневности в постсоветской России и бывших социалистических странах восточного блока привлекают внимание как российских, так и иностранных учёных. Различным аспектам этой темы посвящены работы А. Юрчака [9], Г. Дерлугьяна [3], П. Бурдые [2], И. Крастева [5], Д. Поукока [6], С. Кларка, Н. Коровицыной [4] и др.

Взвешенные оценки глубины и масштаба кризиса повседневности в России получены Институтом сравнительных исследований трудовых отношений (Institute for Comparative Labour

Relations Research (ISITO), г. Москва) на основании статистики и многолетнего мониторинга домохозяйств. Они отражены в работе С. Кларка (S. Clarke) «Сводить концы с концами в современной России», где показана цена рыночных реформ для российского населения [10].

«Переход к рынку», который последовал за распадом СССР, по идее должен был стимулировать экономический рост за счет отказа от неэффективного централизованного управления экономикой, но фактически привел к экономическому коллапсу, беспрецедентному в мировой истории [10, с. 2]. Денежные доходы населения значительно отставали от роста цен, так что к концу 1998 г. реальная зарплата составляла менее чем половину от уровня 1985 г., и немногим более чем в 1964 г., когда Хрущев был отстранен от власти. И в это же время неравенство доходов возросло от скандинавского уровня до латиноамериканского (индекс Джинни вырос до 0,48). Минимальная зарплата, которая в СССР составляла примерно половину среднего заработка, в результате инфляции к 2000 г. упала до 1/12 от официального прожиточного минимума [10, с. 3].

Потребление мяса и мясной продукции населением в 1990–2000 гг. упало на 40%. Ожидаемая продолжительность жизни, особенно мужчин, стала меньше, чем в Индии. Выросло число социально обусловленных заболеваний, особенно туберкулеза и ВИЧ [10, с. 4]. Согласно докладу Министерства труда, в начале 2001 г. 2,9% населения находилось в состоянии крайней бедности, на грани голодной смерти, не имея средств даже на хлеб и картофель; 8,1% имели средства только на покупку минимума продуктов, но не могли оплачивать коммунальные платежи и др. потребности; 14,6% могли оплатить продукты и услуги ЖКХ, но не имели средств на приобретение одежды и др. необходимых вещей [10, с. 5].

Влияние реформ на повседневность на Дальнем Востоке России имеет, безусловно, свою специфику, однако может быть адекватно осознано только в широком международном контексте. Сходные последствия имели неолиберальные реформы не только в странах бывшего советского блока (Польше, Чехословакии, Югославии) [7], но и в Чили, Мексике, Бразилии, Аргентине и др. странах.

По словам П. Бурдые, «...деиндустриализация, рост неравенства и ослабление социальной политики являются следствием внутривластных решений, которые отражают изменение баланса сил в пользу владельцев капитала. Стран-

ники неолиберальных революций под разговоры о модернизации стремятся переделать мир, отменив социальные и экономические завоевания целого столетия социальной борьбы» [2, с. 92]. Исследователи из тех стран Восточной и Центральной Европы, которые подвергли «шоковой терапии», отмечают, что «переход привёл к быстрой социальной стратификации, серьёзно ухудшив положение многих и возвысив немногих. Многие жизни были поломаны, многие надежды преданы во время перехода. К концу 1990-х гг. типичным самоубийцей в Польше был не подросток, переживающий экзистенциальный кризис, а женатый мужчина около сорока, живущий в одном из бесчисленных городков или сёл, где банкротства государственных предприятий и ферм в сочетании с крахом старой системы социального обеспечения вызвали особенно острое отчаяние» [5, с. 84].

По мнению С. Коткина [11, с. 274], помимо неадекватной модели реформирования у кризиса 1990-х гг. были и объективные причины – исчерпанность индустриального типа развития, которую несколько ранее пережили и другие страны. Более того, постсоветская Россия стала гигантским аналогом «ржавого пояса» (*Rust Belt*) в США.

Существует множество определений повседневности [8]. Используем в качестве рабочего определение повседневности как телесных, предметных и социокультурных практик, которые создают и поддерживают устойчивые структуры жизнедеятельности.

Главными системами, которые воспроизводятся в повседневной жизни, являются биологический статус (телесность, система питания, защита от холода, поддержание здоровья, психологический комфорт); воспроизводство населения (рождение и воспитание детей); социальный капитал (воспроизводство профессиональных навыков, статуса, стилей жизни, способов взаимопомощи и социальной мобильности и др.); экологическая и культурная среда (продуктивность почв, чистые вода и воздух, стиль и образ жизни (габитус) и т.п.).

Неспособность человека адаптироваться и поддерживать привычный, общепринятый уровень повседневной жизни делает его маргиналом. Маргинальность может проявляться на разных уровнях: личном (инвалидность, дисквалификация, девиантность); уровне малой группы (неблагополучная семья, разорившееся предприятие, исчезающая профессия, дворовая банда и т.д.); макросоциальном уровне (субпролетариат, депрессивное поселение или регион, вымирающая

нация, слабое государство); глобальный уровень (экологические катастрофы, экономические кризисы, мировые войны).

Классическая теория маргинальности, основные положения которой были сформулированы Э. Парком и Э. Стоунквистом, затрагивает в основном проблемы двух низших уровней – личного и микросоциального, а источником маргинализации считаются личностные характеристики человека. Т.е. предполагается, что среда стабильна, а человек активен, и проблемы его адаптации – это проблемы ограниченности личных ресурсов. Этот подход в крайне циничном и вульгарном виде развивается в идеологии неолиберализма: если человек не зарабатывает миллионы, он неудачник, ему нечего предложить на рынке, и он не имеет права на существование. Однако такой подход не учитывает социальной природы человека. Простое биологическое выживание человека, не говоря уже о сохранении его статуса, культурных навыков и т.п., даже в первобытном обществе было невозможно в одиночку. В современных развитых обществах удовлетворение самых элементарных жизненных потребностей обеспечивается за счет сложной инфраструктуры, где ведущую роль играют общественные фонды и государственные институты.

Это справедливо не только для советского общества, где роль государства в обеспечении всех насущных нужд населения лежала на поверхности (так как все этапы жизненного цикла – от рождения до похорон – обслуживались государственными учреждениями). В капиталистическом обществе степень интеграции государственных и общественных институтов, обеспечивающих удовлетворение всех базовых, витальных потребностей человека, значительно выше, чем в социалистическом, почему, собственно, страны Запада и называют «развитыми». В США личную и имущественную безопасность охраняет полиция, а не частные охранники. Едой обеспечивают агрохолдинги и торговые сети, а не личное подсобное хозяйство. Рожают в госпитале, а не с повивальной бабкой. Проживание в частном доме в пригороде и автомобиль в каждой семье требуют лучших дорог и сервиса, чем многоквартирные дома и общественный транспорт. Частная школа и университет, банки и компании являются социальными институтами, нормы и правила в которых тщательно регулируются и профессиональными сообществами, и потребителями, и государством. Прибыли корпораций обеспечивают не только гений их менеджеров, но и армия и флот США, лоббирование интересов в правительстве и специальные финан-

совые схемы (оффшоры и т.п.), которые помогают им скрывать доходы и уходить от налогов.

Опыт постсоветской России наглядно показал, что частную собственность мало провозгласить и «разрешить», частная собственность – это общественный институт, который нуждается в охране, регулировании, механизмах социокультурной адаптации. Не случайно в период рыночных реформ в русском языке появился идеальный эквивалент термина Э. Дюркгейма «аномия» – «беспредел». Этот термин описывает разрушение тех институтов, которые лежат в основе повседневных практик и не осознаются до тех пор, пока работают «в автоматическом режиме». Зато их разрушение, распад социальной ткани ставит человека в ситуацию «голый человек на голой земле», а человеческие взаимоотношения – в состояние «война всех против всех». Это были признаки распада не советского строя, а цивилизованности как таковой. Возродились формы жизни, которые считались отмершими после 1917 г.: натуральное хозяйство и бартер, оплата натурой, ростовщичество, рабство, похищение людей, браки по расчету, отходничество и т.п.

Структуры повседневности советского типа были устроены своеобразным образом, и достаточно было уничтожить всего один элемент, чтобы все посыпалось. Предприятие в СССР создавало не только товарную продукцию, но являлось особой формой социальности, которое воспроизводило все базовые структуры повседневности: обеспечивало занятость и доход, предоставляло отпуск по беременности и уходу за ребенком, затем место в детсаду, шефствовало над школами и пионерскими лагерями, распределяло жилье и путевки в дома отдыха, организовывало праздники и концерты самодеятельности, провожало на пенсию и помогало с похоронами. Трудовой коллектив был зачастую более важной и стабильной структурой в жизни человека, чем семья, любовь и дружба. Перевод предприятий на «самофинансирование и самокупаемость» разрушил производственно-экономические связи, которые создавались десятилетиями. Уход государства из производственной сферы породил цепную реакцию распада социальной ткани: утрата работы, заработок, статуса «кормильца семьи», долги по ЖКХ, разрушение дорог и транспортной сети, закрытие котельных, школ, больниц, появление депрессивных регионов, бегство населения, – и вот мы уже в третьем мире.

Дальний Восток России имеет, безусловно, свою специфику, но сдвиг и разломы повседнев-

ности в постсоветское время проходили по тем же линиям, что и в других регионах России, усугубляясь из-за отдаленности края и суровых природных условий.

Собранные в разных регионах Дальнего Востока интервью ярко рисуют картину деградации социального пространства, разрывы социальной ткани и обнаружение тех скрытых несущих основ повседневности, которые население не осознавало и не ценило, пока они не стали исчезать.

Из интервью с главой района, Сахалинская область: «Уезжают. Район был 49 тыс., осталось 20,5. Бум(ажный) завод был. В 13 стран мира шла бумага. Мудро было устроено производство – излишками тепла отапливались жилые микрорайоны. Теперь все закрыто, ничего нет. Совхоз Краснопольский был одним из лучших на Дальнем Востоке и в Сибири. 10 тыс. голов скота. Осталось 18. Во всем районе 1300, десятая часть. И все заросшее вокруг, все поля» [1, А 007].

Предприниматель из Хабаровска: «Взять город Хабаровск, здесь никакого производства не осталось. То есть, у нас нету ни станкостроительных, нет ничего. Какой-то там «Энергомаши» ещё не дали обанкротить, потому как там есть второй внутри него завод секретный. А остальные – все площади розданы под торговые центры. Был завод – стал магазин. Вот и всё. А где людям работать? Это же всё приводит к тому, что деградация у мужского населения, ну они же как неприкаянные» [1, С 004].

Вспоминает архитектор, г. Хабаровск: «Как раз поступила в аспирантуру, чтобы мне дали общежитие. Ну и, значит, мне написали записку в деканате. Я прихожу в 9 общагу... И вот там... бегали по коридору огромные такие крысы... Там были вышиблены все двери, выдраны все розетки, разбиты унитазы. Ну, 90, 91 год. Жили одни чечены. Комендантом был чечен Габель, говорит: «Селись куда хочешь». Я помню, захожу в комнату – на полу кострище, стекла все вышиблены, ни света, ни воды, все повыдерганно... Был полный развал, полный. За окном постоянно что-то горело, что-то там стреляли» [1, А 100].

Вот как женщина вспоминает о своих первых родах: «Я рожала в Хабаровске, но почему я уехала в Хабаровск? Потому что я пришла, сначала, сюда. Вот тут, он (роддом) прямо на Светланской... на Цирке... Мне, значит, говорят: «Мы не будем тебя ставить на учет, потому что у тебя отрицательный резус, там куча всяких отрицательных диагнозов, тебе надо плановое ке-

сареево, нам мертвецы не нужны, мы тебя даже не будем ставить на учет. Я говорю, ну и хрен с вами, подумаешь, но, тем не менее, через некоторое время пришлось лечь, потому что дело шло к родам. Родила я в феврале, а это был где-то январь. Ни света, ни воды, ни хрена, значит. А мне говорят: «Ничего не бойся, видишь – вон стоят подводные лодки в бухте? С них, если что, подключат электричество... классическая фраза, которая меня подорвала, после которой я уехала в Хабаровск: «Мы протянем, значит, электричество с огромной подводной лодки, у них там постоянный атомный двигатель, видишь, у нас протянут кабель, и поэтому даже если выключат свет, у нас всегда режимный генератор с атомной подводной лодки. Протянем, значит, из бухты». Вот, и это меня подорвало, думаю: «Ну, елы-палы! Вдруг она отойдет от причала?» [1, А 100].

В некоторых интервью проявляется осознание того, что советские социальные классы утрачивают свои позиции (статус, престиж, символический капитал), а на смену им приходят новые, но не лучшие.

Прежде всего пострадали квалифицированные рабочие и технические специалисты:

«Может вам смешно будет, но я когда начинал работать... Я вот на работе навкалываюсь, устану (работал слесарем, железяки таскал). Иногда иду и пою песню «Я люблю тебя, жизнь». Да, вот мне приятно было: хорошая погода, помылся в ванне после работы, идёшь там, наработался. Знаю, что у меня завтра тоже есть работа, у меня любимая девушка там есть и кто-то меня ждёт. Жизнь прекрасна была. Раньше человек труда себя уважал. Да я этого не стеснялся, и я, так сказать, в это верил... А сейчас вот с большим человеком разговариваю и говорю: «А как же люди, вот закроем предприятие, куда люди пойдут? Вот шахты закроются, а куда люди? А что с ними будет?» Сидит вот так вот, ногу на ногу положил, смеётся и говорит: «А чё такое люди?». Он моложе меня в два раза, работает уже там... в областной администрации, сидит вот так вот, развалился и говорит: «А чё такое люди? А чё там? У нас, говорит, разные понятия о бизнесе... Люди – это мы. Да люди, говорят, найдут как там выжить, они обойдутся» [1, А 010].

Произошла депрофессионализация интеллигенции:

«У меня этот годовалый ребенок, вообще денег ноль, полностью, вообще никаких. Родите-

ли, мать была преподавателем, она и сейчас преподаватель, отец геофизик, преподавал уроки геофизики, им не платили вообще, ну платили в мае за прошлый октябрь, как-то так, в общем. Так как оба были из потомственной интеллигенции – хозяйством заниматься не умели и дачного участка, который в общем-то спасал всех остальных, у нас как бы практически не было, то есть такой вот дачи, там картошки на зиму – в принципе у нас такого не было, жить было вообще просто не на что» [1, А 100].

Безусловно, те разрушения, которые вызвал уход государства из сферы производства и распределения повседневных благ, отчасти были компенсированы личными усилиями людей. С помощью дополнительной занятости, смены работы, отъезда на заработки, занятия мелким бизнесом удавалось поднять доходы и свести концы с концами. Однако современники смутно чувствовали, что новая реальность по степени цивилизованности ниже, чем советская. Учителя, которые уходили в челноки; инженеры, которые ловили рыбу и продавали дикоросы; рабочие, занявшиеся мелким извозом; спортсмены, ушедшие в охранники или бандиты могли даже выиграть в доходе, но чувствовали психологический дискомфорт.

«– Лично для него есть вопрос не просто денег, а еще вопрос какого-то личного статуса, когда люди в нем теряют: уходят из любимой профессии, из своего дела... Уходят там или уезжают на заработки, идут в тайгу там, я не знаю, то есть вот это как это назвать можно – профессиональная дисквалификация, это же очень резко меняет статус человека. Он-то выживает, он-то приспособится, он-то заработает денег, но он не занимается тем, чем он хотел заниматься» [1, А 016].

Даже люди, которые преуспели в новых обстоятельствах, были шокированы грубостью и дикостью новой жизни. Вот как вспоминает контраст между советским временем и ранними 90-ми выпускник Восточного института ДВГУ, комсомольский работник, а затем советский управленец (г. Владивосток):

«– Мне давали родители (стипендию я не получал)... мне давали 5 рублей на неделю: хочешь – на сигареты потратить, хочешь – на пирожки, без разницы; хочешь – на проезд в трамвае. Единственно, что поощрялось – если в театр иду с родителями, мне покупали билет; если я иду с девушкой – мне покупали два билета и ещё давали деньги на буфет.

– Это правильно.

– Конечно, правильно. Так оно и было. Мне действительно, конечно, нравилось пойти в театр: красивенько одетый, не то, что сейчас – приходят, как не знаю куда...».

(Далее его знакомые организовали кооператив для посредничества между цеховиками и розничной торговлей – Ю.К.):

«– Цеховики не местные были, привозили товар из разных городов. Но вот те, о которых я говорю, прилетали – то ли армянские евреи, помню даже лица... они, по-моему, из Новосибирска. Вот они самолётом прилетели, эти ребята меня пригласили, когда я ушёл со своей работы. Перестройка началась, ну я взял, приехал к ним, они свои проблемы решают, а я сижу – половину не понимаю из того, что говорится. ... Приезжаем в офис в этот, подвальное помещение. Они говорят с акцентом: уважаемые, спасибо за гостеприимство, нам хотелось бы улететь вечерним самолётом обратно, дел много, дела надо делать, хотелось бы получить расчёт сегодня. Наши говорят: ну ладно, правда, мы подготовили хорошие программы: ресторан, сауна, девочки – всё как надо по тем временам. Не было официальных фирм досуга, но все равно, девочки были. Они отказались, но охранникам сказали: слетайте в магазин, возьмите то, то, то. Те притаскивают водки: что пить будете? Да водку просто выпьем, водки принесли, сало принесли, колбасы принесли, консервы. (Вижу) – бритвы опасные. Мне это сразу не понравилось, – из кармана достают опасные бритвы, бритвами порезали колбасу – бах, бах... Ну, где-то часик мы там посидели, попили – приезжают ребята, то ли коробку, то ли две из-под женских сапог на стол, крышку открывают, а там деньги. Это не кино, веришь, это я сам видел [1, А 023].

Переход от старых форм организации производства и повседневной жизни к новым носил иногда очень странные, гротескные формы. Вот, например, как выглядела приватизация локомотивного депо в г. Шахтерске Сахалинской области:

«– Тут как раз, вот, переходный период. Вроде как и бизнес начинается, а зарплату не платят... Люди в шахте сидят. Их там уговаривают выйти... И поэтому перспектива была не понятна. Но я, как бы, не побоялся... Весь свой, так сказать, капитал, который мне принадлежал в плане заработной платы, которая мне не выплачена была, по сути, за полгода там или как, да? Переходный период был: цены были еще старые и новые, так сказать. И вроде бы как оно... имущество несоизмеримо по цене было; оно, конечно,

меньше стоило, чем на самом деле должно было стоить... Но в магазинах можно было купить там какой-то инструмент практически за 3 рубля, когда он фактически, на самом деле должен был стоить дороже. Ну, спроса не было, потому что денег ни у кого не было и ситуация была непонятная. Удивительное время было, да? И тут же можно было прийти, там сметана, если 9 рублей стоила, а тут жена прибегает с большими глазами из магазина и говорит: «Сметана уже 90 стоит! Цена, да? Как мы будем жить?». И вот... Все деньги, которые мне причитались... я не побоялся и зарплату эту всю, так сказать, вложил и что смог, так сказать, выкупил предприятие. Вот. Потом, значит, когда, естественно, средств у меня не хватило на всё, мы еще сделали как: часть оборудования, которое необходимо было для работы, тоже с работниками, старыми работниками, которые всю жизнь проработали, да? Ну, у меня всегда нормальный контакт был с такими людьми, значит. И мы договорились, что мы им это имущество продаем в счет заработной платы с тем, что я обещаю и клянусь, что когда мы организуем новое предприятие, я сначала у них возьму его в аренду – это оборудование, для того, чтобы работать. Это вполне законные способы, так сказать. И с последующим выкупом. То есть он ему не нужен, тепловоз этот, да? Иван Петровичу какому-то. Он, тепловоз, ему не нужен. Но там их, предположим 5–6 человек. У них по зарплате посмотрели – хватает на этот тепловоз. Они это... дают согласие. В счет заработной платы я им отдаю тепловоз. Они с этим тепловозом тут же приходят ко мне на новое предприятие. Я с ними заключаю договор, и эксплуатируем этот тепловоз, так сказать. И им заработную... деньги, так сказать, Я им успешно выплачиваю и забираю тепловоз, то есть у нас все это без трений, и слава Богу. И вот так все имущество осталось, так сказать, в предприятии не тронута и, так сказать, не разворовано, никто на металлолом ничего не порезал, как многие другие предприятия [1, А 009].

Женские стратегии выживания могли быть еще более причудливыми:

«– Я поняла, что надо мужика, чтобы отбиться от чеченцев, чтобы вставить розетки... Я взяла, стащила у отца белые шорты, которые он привез из Вьетнама... майку, которую ему подарили американцы, потому что он возил их на рыбалку. Причем отец у меня ядерный физик из Академгородка ... и сказала себе, пусть будет первый же мужик, который ко мне подойдет, по-

тому что иначе мне конец. Вот прошло минут десять буквально, значит, тут же ко мне подвалил такой же точно бедолага, как я, которому негде было жить. Мы сразу друг друга поняли. Паренек был сам из Крыма, его мать там вышла замуж, и чтобы от него избавиться, прислала его в Хабаровск, чтобы он жил тут, значит, с какой-то помирающей бабкой и следил за квартирой. Ну, как он сам потом рассказал. Абсолютно маргинальный, совершенно, единственное, что в нем было положительное – воля к жизни. Вот, мы, значит, пришли в эту разбитую общагу, он тут же выгнал чеченцев. У него был пистолет, уж не знаю, где он его взял.

– А вы говорите, была только воля к жизни! Еще и пистолет был.

– Вот, значит, он там чего-то починил эти розетки, стали думать, что как вообще делать, ни хрена не умели, у меня этот годовалый ребенок, вообще денег ноль, полностью, вообще никаких... Ну вот, значит, мы с этим пареньком, он такой оглянулся по сторонам – где можно пожрать, и вот, что я хотела рассказать. Совершенно неожиданный ход стратегии выживания: он устроился, записался в школу, миссионерскую школу на изучение Евангелия. Какие-то корейские баптисты или протестанты, их была тьма-тьмуца в Хабаровске, вот они организовывали такие семинары, где платили стипендию, где кормили, причем кормили очень хорошо... И он устроился ночным сторожем, охранять гуманитарную миссию, гуманитарную помощь, которая приходила. Каждое утро он приходил с вот такими баулами гуманитарной помощи. Но мы не считали за кражу, потому что, во-первых, это Бог посылал, а во-вторых, более нуждающихся голодранцев, чем мы, не было» [1, А 100].

Очень медленно на месте разрушенных советских форм солидарности восстанавливаются старые и возникают новые: это локальные формы идентичности (на уровне дома, улицы, поселения; иногда – объединения по интересам).

Из интервью с главой района: «Когда я пришел, народ забыл, что такое пойти в Дом культуры, забыл, когда спектакль какой-нибудь приезжал. Вначале я раздавал билеты по управлениям – тому 100 билетов, тому 20... Да. Насильно загоняли, возмущались: Мы не будем, мы не пойдем!!! Первое (время) это было с боем. Потом уже билетов не достать. Последнее, что проводили, – праздник русского чая. Народу было столько, что даже журналисты удивились – не знали, что столько народу в Углегорске живет.

Все вывалили вот сюда на стадион. И файер-шоу было, и другой концерт... И это при том, что не было спиртного, и не было курящих. При том, что у нас в районе на 230–260 млн. руб. прописывают – по 13–15 тысяч рублей на человека, включая грудных младенцев» [1, А 007].

Из интервью с самозанятым, владельцем грузовика:

«– Налоги, сам понимаю, что государству надо платить, потому что... Ну, как-никак, мы себя кормим и пускай еще кого-нибудь будем кормить...

– Вас привлекают как предпринимателя на организацию городского праздника или на благоустройство города?

– Конечно.

– То есть вы даете деньги?

– Ну, не деньги, а где-то техника... Договора, бывает, заключаем, где-то надо там, естественно, безвозмездно помочь, бывает.

– То есть вы участвуете?

– Ну а как иначе, здесь же город! Я в Шахтерске живу, наш город, считай. Как я... Если нужна какая-нибудь помощь в разумных пределах, то конечно, поможем» [1, А 014].

Иногда респонденты особо подчеркивают, что без взаимопомощи «на северах» трудно выжить:

«– А Вы не собираетесь уехать с Дальнего Востока?

– Да меня там никто не ждет, я вот один раз пытался уехать, но там вот заново все начинать... Трудно очень, знакомых людей нет, ну кто тебе там даже поможет, здесь-то сосед соседу всегда поможет, а там уже ты сам за себя» [1, А 014].

Даже тридцать лет спустя после перестройки остаются вещи, которые люди отказываются признавать и с рациональной, и с моральной точки зрения:

«Почему вот народ, люди, они часто не удовлетворены... ситуацией... в отношении нынешнего руководства государства там, Единой России, Путина, Медведева... В основном всё-таки из-за расслоения, из-за чудовищного расслоения. Есть такие суммы, которые большие, но непонятные, да? Когда часы (стоят) триста тысяч долларов. Ну не потому, что жалко, или потому, что я там завидую, но это непонятно просто» [1, А 010].

На вопрос, соответствует ли политика правительства запросам и ожиданиям населения, один из респондентов ответил:

«– Совпадает она настолько, насколько это

нужно тем, у кого есть деньги, вот и всё.

– А должна с чем совпадать?

– А должно совпадать с тем, чтобы люди массово были заняты, чтобы у каждого была работа, чтобы всё население было занято, чтобы люди могли работать, ходить на работу» [1, А 010].

Таким образом, своеобразие постсоветского транзита повседневности – это не просто изменение привычных форм жизнедеятельности, а их революционный слом и замена на диаметрально противоположную модель, причем с понижением общего уровня цивилизованности. Отношение «труд – потребление» радикально изменилось: работа стала огромной проблемой, а сфера потребления и услуг – повернулась «лицом» к человеку и невиданно расцвела. Практически все крупные индустриальные предприятия, в том числе градообразующие, – или закрылись, или сократили производство и персонал, задерживали зарплату, перестали предоставлять жилье и др. социальные льготы. Вместо стабильности возникли различные формы временной, вторичной и теневой занятости, работы «вахтовым методом» и отходничества, в удалённых регионах и сельской местности безработица стала тотальной. Проявился «дачный бум», т.е. превращение горожан в полукрестьян, которые не покупают продукты, а сами их производят. Значительные группы населения оказались за пределами современности (modernity) в серой маргинальной зоне.

Парадоксально, но параллельно с распадом производства предложение товаров и услуг быстро росло. Магазины и учреждения сферы обслуживания максимально приблизились к местам проживания и большого скопления людей. Дефицит потребительских товаров исчез, зато возник дефицит потребителей. Возникло статусное и престижное потребление для меньшинства. Большинство же перешло в категорию «работающие бедные» – группы населения, которые быстро теряли социальный капитал: доходы, статус, формы корпоративной солидарности, групповой идентичности. Личные усилия людей частично компенсировали разрывы социальной ткани, вызванные исчезновением государственных и общественных фондов поддержания базовых систем жизнедеятельности, но это привело к регрессу общего уровня повседневной жизни во всех отношениях: сокращению рождаемости и численности населения, росту социальных болезней и преступности, износу ЖКХ, ухудшению качества медицины и образования, дисквалификации и депрофессионализации ра-

ботников, падению общественной морали, ухудшению природной и культурной среды.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН 15-1-9-009 «Социально-политические реформы и трансформация повседневных структур Тихоокеанской России (1985–2015)».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив отдела социально-политических исследований. Интервью А 007, 009, 010, 014, 016, 023, 100; С 004.
2. Бурдые П., Вакан Л. Неолиберальный новояз: заметки о новом планетарном жаргоне // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 88–94.
3. Дерлугьян Г. Суверенная бюрократия: тезисы к изучению наших властвующих элит // Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2013. С. 207–228. URL: http://www.sociology.kpi.ua/wpcontent/uploads/2014/06/Derlughian_Book.pdf (дата обращения: 26.09.2016).
4. Коровицына Н.В. Агония соцмодернизации. Судьба двух поколений двух европейских наций. М.: Наука, 1993. 176 с.
5. Крастев И. Странная смерть либеральной Центральной Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 79–87.
6. Поукок Д. Деконструкция Европы // Прогнозис. 2007. № 3 (11). С. 33–52.
7. Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / отв. ред. К.В. Никифоров. М.: РОССПЭН, 2011. 775 с.
8. Штомпка П. В фокусе внимания – повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социс. 2009. № 8. С. 3–14.
9. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 664 с.
10. Clarke S. Making Ends Meet in Contemporary Russia: Secondary Employment, Subsidiary Agriculture and Social Networks. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing Limited, 2002. 280 p. (Цитируется в пер. автора статьи – Ю.К.).
11. Kotkin S. Armageddon Averted. The Soviet Collapse 1970–2000. Oxford University Press, 2008. 288 p.

The article is based on materials of the author's (in cooperation with A.P. Konyahina) field studies and the data from other sources. We studied the human dimension in connection with the everyday life crisis caused by social transformations of the 90s: main directions and a depth of the social space degradation and de-modernization, the local communities' and individual efforts to overcome the problems. The author used comparative data on the countries of Central and Eastern Europe.

Keywords: Russia, Far East, everyday life crisis, market reforms, survival practices, structure of daily occurrence.